

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

Я всегда считала «Цыгана» самым загадочным из всех произведений Отца.

«Почему „Цыган“, а не „Казак“?» — спрашивали у него друзья, читатели, критики. Спросил об этом и «главный цыган» России или, если угодно, Советского Союза Николай Сличенко, который перенес на сцену театра «Ромэн» начальные части романа и с блеском — тогда еще молодой и всеми обожаемый — сыграл главную роль. «Я живу среди казаков и все время о них пишу. А „Цыган“ роман и о казаках тоже», — обычно отвечал Отец. Одному слишком пытливому журналисту, помню, сказал: «Мой пращур был цыганом и спал под кустом калины — от него и пошел наш род Калининых».

Может, в этом ответе и есть разгадка той особенно пылкой любви, которую испытывал Отец к своему Будулаю?.. Критики советских времен, а они были злые и невежественные в своей массе, уж поверьте мне, «голос крови» считали темным предрассудком, чем-то сродни вере в Бога. Отцу, кстати, доставалось от советских критиков по первое число. И за «Суровое поле», в котором он якобы оправдывал власовца, и за «Эхо войны» — главная героиня — предательница, мать полицаев, а выписана ярко и даже, быть может, с состраданием. А за юношеский роман «На юге», созданный в окопах Великой Отечественной, Калинина обозвали «квасным патриотом», потому что его герои — а так было на самом деле — рядом с советскими орденами носили Георгиевские кресты. «Цыгана» критики не жаловали своим вниманием — уж больно велика оказалась читательская любовь к Будулаю и Клавдии, и никому не хотелось вызывать на свою голову гнев народа.

И вот в 1967 году на экраны выходит художественный фильм «Цыган», поставленный Евгением Матвеевым по первой части романа, той самой, которая вызвала у читателей столь большую

любовь с привкусом печали. Евгений Семенович Матвеев, частый гость в нашем пухляковском доме, рассказывал, в лицах разумеется, как его буквально атаквали на улицах, в присутственных местах люди разных возрастов и профессий, требуя от него, очень правдиво перевоплотившегося в цыгана Будулая, вернуться немедленно к Клавдии, которую со столь проникновенной убедительностью сыграла Людмила Хитяева.

«А что автор?» — спросит невольно читающий эти строки. Признаться откровенно, Отец, посмотрев «Цыгана», был расстроен и даже хмур, что пытался скрыть от Матвеева и других создателей фильма. И не потому, что у Матвеева не хватило таланта, темперамента или чего-то еще, — всего этого у Евгения Семеновича оказалось в избытке, — в душе у автора, разумеется, жил свой Будулай...

Мы, домашние, давно заметили, что ни одно из своих произведений Калинин не писал с такой страстной и беззаветной самоотдачей, как свой роман о Клавдии и Будулае.

...Помню, дело было зимой. Отец спустился из мезонина, где спал, работал либо читал, остановился на последней ступеньке крутой деревянной лестницы, сказал: «Он постучался ко мне в окно своим кнутом... — И, видя мое недоумение и любопытство, добавил: — Цыгане обычно стучат в окно кнутом. Он в табунных степях, на конезаводе. Но Клавдия пока не знает об этом...» Мы завтракали в полном молчании, не желая нарушить плотную — до осязаемости всеми органами чувств — атмосферу, вдруг окутавшую нас своим волшебным облаком. Отец произнес всего несколько фраз: «Там директором конезавода генерал, воевавший в казачьей кавалерии. Будулай встретил своих родичей — цыгане всегда собираются там, где лошади. Он живет один, в вагончике. Вокруг табунная степь... И конокрады бродят... Его одна цыганка очень любит...»

«А как же Клавдия?» — невольно вырывается у меня. Отец долго молчит, медленно мешает ложкой в чашке с чаем. «Клавдия, я думаю, поедет его искать. Но она пока точно не решила. Ей уже сорок, у нее взрослые дети, и она стыдится людей... — Отец наливал в блюдце остывший чай и вдруг резко отодвигает его от себя, расплескав на клеенку. — А ведь любовь не спросит, когда ей прийти...» Забегая вперед, скажу, что в эти дни и написалось одно из самых пронзительных стихотворений Отца о любви:

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ

Ругают женщину одну
За то, что в сорок лет запела
И вновь отпраздновать весну
Свою под осень захотела...

Но вернемся к Будулаю и Клавдии. Отец вдруг стремительно вскочил из-за стола, бросил: «Обедать не зовите» — и бегом поднялся в мезонин. Оттуда долго доносились его тяжелые шаги, потом он что-то двигал, гремел печной дверцей — в ту пору у нас было печное отопление и зимой обычно горели три, а то и четыре печки. Потом читал что-то вслух довольно громко, несколько раз сказал решительно и громко: «Нет! Только не это!» Спустился уже ближе к ужину — грустный, осунувшийся, с потухшим взглядом. «Пойду гулять», — сказал едва слышно, надел тулуп, шапку. Было морозно и звездно. Я слышала, как под его ногами скрипит снег, видела его печальную тень на снегу... Поняла безошибочно: что-то случилось с Будулаем или Клавдией. Скорее всего, судьба снова их разлучила...

Я рассказала всего об одном коротком эпизоде из истории создания романа «Цыган», истории длинной — в сорок с лишним лет. Калинин всегда уходил с головой в творчество: писал ли он статью для центральной газеты, очерк, повесть и так далее. Но в истории с Клавдией и Будулаем это был не уход, а самое настоящее отшельничество. Часто он завтракал, обедал, ужинал в своем мезонине, машинально что-то жуя, глотая. Бывало, не брился по несколько дней — а ведь сам до глубокой старости оставался всегда аккуратным, подтянутым, чистым до душистого блеска.

Разумеется, Отец не мог отказаться от своих обязанностей депутата Верховного Совета. Разумеется, в нашем доме практически каждый день бывали люди — и местные, и издалека, и по делу, и просто так... Я видела, Отец с трудом переключается, то есть возвращается от Будулая, Насти и других — так и хочется сказать, в ту пору самых близких для него людей — к жизни реальной, к депутатским хлопотам, к письмам друзей. «Поставь мне Первый концерт Чайковского в исполнении Вана Клиберна, — просит он вечером. Слушает музыку внимательно, иногда смахивая украдкой слезинку. Или просит найти пластинку с романсами Глинки. Говорит потом: — Музыка мне делает больно. Я чувствую себя незащищенным от всех стихий, чувств в первую очередь. Без этого

художнику нельзя. Для него не существует чужой боли, чужой радости... Душа должна быть растревоженной, только тогда имеешь право взяться за перо. Равнодушным и отстраненным оно служит неверно...»

А потом, уже в разгар весны, я слышу, как Отец бегом спускается по лестнице из мезонина, чуть не падая вниз. Глаза у него блестят восторженной радостью. «Шелоро сказала ей. Она ей все сказала... Эта Шелоро очень интересная личность; появляется внезапно там, где она необходима как воздух. Рассказала Клавдии, что Настя вышла замуж. Не за Будулая, а за русского. Того, который ей проходу не давал. За Мишку Солдатова. Клавдия обрадовалась... Надавала Шелоро яиц, зерна, хлеба, одежды для деток. Готова была все из дома вынести за такую радостную весть...»

За обедом у нас царит праздничная атмосфера. Отец вспоминает смешной старый анекдот — очень целомудренный, разумеется. Других он просто не знает и никогда не слушает. Потом читает Маяковского, Блока... Память у него отменная, очень точная. В его исполнении Маяковский мне даже немного нравится, а вот читать его я не люблю. Ну а Блок — наша совместная горячая любовь. Как и музыка Чайковского, Рахманинова, Шопена... Мы говорим о стихах и музыке, помню, в частности, о фа-минорном концерте Фредерика Шопена, посвященном его первой — идеальной — любви Констанции Гладковской. Отец задает мне много вопросов, считая меня знатоком в этой области. Я с удовольствием рассказываю все, что мне известно. Как вдруг он говорит: «Он ее выдумал, свою Констанцию. Я слышу это в музыке. Она — мечта об идеале». И вдруг читает стихи, от которых у меня, думаю, и у всех сидящих за столом, мороз по коже:

Не упади, звезда, на землю,
Тебе на ней и места нет.
Лишь только в небе и приемлют
Земные очи звездный свет.
Не урони себя с вершины
В молниеносной борозде,
Не оставляй в ночной пустыне
Мне только память о звезде.

Мы все молчим. Долго молчим. Наконец я осмеливаюсь спросить: «Чьи это стихи, папа? Неужели... Не может быть». Он достает из кармана рубашки сложенный пополам листок. Стихи напи-

саны карандашом, четким и красивым — ничего подобного больше в жизни не видела — почерком. Я знаю, это уже чистовая копия. А сколько их было черновых, пока не вылилось вот так естественно легко и прекрасно. Он угадывает мои мысли. «Да, ты права. Помнишь, у Маяковского: „Поэзия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды...“ Можешь перепечатать». С недавних пор Отец иногда доверяет мне перепечатывать на машинке, но только не начисто, для печати, а очередной черновик, по которому он еще не раз пройдет карандашом либо ручкой. Начисто — это привилегия Мамы, которая разбирает его каракули, — ведь порой Отец пишет на четвертушках бумаги, да еще наискосок, да еще плохо подчиненным карандашом, да еще прислонившись к стволу дерева в саду и так далее. Понимаю с ходу: это стихотворение тоже относится к отношениям Будулая и Клавдии, к их любви... Они пока так и не встретились. «Боишься?» — спрашиваю у Отца. «Наверное. Хотя хочется, чтобы они были вместе. Но в жизни так случается редко, крайне редко. А если и случается...» Он замолкает, задумчиво смотрит в окно.

Я сажусь печатать стихотворение, которое уже знаю на память. Мне хочется плакать. Из-за того, что звезде нельзя упасть на землю. Что Будулай и Клавдия любят друг друга и не могут быть вместе. Что я тоже не могу быть вместе с тем, кого так люблю... Все, к чему человек прикасается своими жадными нетерпеливыми руками, превращается со временем в прах, в горькую память о несостоявшейся любви и упавшей на землю звезде.

А потом эта часть «Цыгана» печатается в журнале «Огонек», в то время самом интересном и читаемом. Да и тираж у него — несколько миллионов! Мало того, когда выходит свежий номер «Огонька» с «Цыганом», в киоски выстраиваются длинные очереди. Сейчас в такое трудно поверить, но я неоднократно наблюдала это своими глазами. У нас бесконечно звонит телефон — со всех концов страны почитатели творчества Калинина и просто читатели откровенно высказывают свое восхищение, негодование, радость. Женщины чаще негодуют — опять автор разлучил Клавдию с Будулаем, снова она одна, совсем одна, ведь теперь и дети выросли, разлетелись из родительского дома. И Будулай один... Как несправедливо распорядился автор судьбами своих героев. Больше всех возмущаются вдовы и просто одинокие женщины. Кто-то из них роняет с грустью: «Прочитав вашего „Цыгана“, я по-

няла, что никогда не выйду замуж. Разве что за такого человека, как Ваш Будулай. Почему же вы, уважаемый автор, не хотите, чтобы они с Клавдией наконец обрели свое давно выстраданное счастье?..»

Звонит Клара Лучко и, захлебываясь от восторга — всю ночь читала очередную часть романа, — говорит, что сгорает от нетерпения сыграть Клавдию Пухлякову в кино. «Это моя роль, Анатолий Вениаминович, только моя. Всю жизнь ее ждала. Нужно немедленно запустить в производство многосерийный телевизионный фильм. Вы же помните, десять лет назад я сыграла Любаву в Вашем „Суровом поле“ на сцене Театра киноактера...» Замечательно сыграла, что верно, то верно. Любава, как мне кажется, родная сестра Клавдии Пухляковой. Она тоже умеет ждать любимого и тоже не боится страдать. Вижу, Отец размышляет над словами Клары, пока молчит. Тем временем «Цыган» выходит отдельной книгой уже как роман. В нем появляются новые герои, к которым читатель сразу прикипает душой, — Катька Аэропорт, полковник Привалов, Шелухин, старая цыганка... Инсценировки романа идут уже не только в «Ромэне», но и во многих театрах нашей страны. Идут с успехом, занимая первые строчки репертуаров. Об этом сообщает журнал «Театр», который Отец давно выписывает и читает. Отец наотрез отказался участвовать в написании инсценировки, вызвав всеобщее удивление, — ведь это большие, очень большие по тем временам деньги. Он остается верен своему жанру и своему Будулаю, разумеется, — тот, которого играют на сцене актеры, уже не принадлежит автору романа «Цыган».

Лучко звонит снова и снова. Когда Отец бывает в Москве на сессиях Верховного Совета, находит его там. К уговорам подключается ее муж, Дмитрий Федорович Мамлеев, ответственный секретарь «Известий», где Отец часто публикует свои, как правило, туго идущие из-за слишком суровой и справедливой критики власть имущих очерки и статьи.

Наконец он сдастся. Да и можно ли устоять перед уговорами Клары Лучко, в интонациях которой Отец уже узнает свою Клавдию. Слышу, он часто называет ее по телефону Клавой — не умышленно, разумеется, а так получается. Потом в нашем доме появляется тот, другой, Будулай — Михай Волонтир, который, как мне кажется, занимает в сердце Отца особое место, где-то совсем близко к его Будулаю...

А когда на экранах телевизоров наконец появляется «Цыган» с Лучко, Волонтиром, Матлюбой Алимовой, Ниной Руслановой и другими замечательными актерами, Отец вдруг садится за своего «Цыгана», то есть его очередную часть. «Но конец должен быть счастливым, — возбужденно кричит в трубку Клара Лучко, словно заново родившаяся после выхода телефильма. — Не будьте таким жестоким, прошу вас. Люди ждут, что Будулай и Клавдия будут наконец вместе...»

Мне кажется, Отец сам уже хочет, чтобы они были вместе, но... «Я не могу заставить их сделать что-либо силой, — признается он. — Они живут своей жизнью. Давно, очень давно... Они меня не послушают. Кажется, Клавдия уже полюбила свое одиночество, да и Будулай немного одичал... — Отец задумчиво смотрит в окно, на Володин бугор, где когда-то давно раскидывали свои шатры настоящие таборные цыгане. — Он частично потерял память после побоев. Помнит войну, боевых товарищей, а Клавдию забыл. Быть может, потому, что слишком сильно хотел быть с ней... Возможно, к нему вернется память, но никто не знает, когда это случится...»

Отец часто слушает музыку Валерия Зубкова к телефильму. Вся страна ее слушает. Звучит в магазинах, заставкой к различным радиопередачам, как позывные молодежной станции, в телепрограммах на разные темы... Я знаю, он думает под нее и благодарит её о своем Будулае. Знаю и то, что, несмотря на любовь к Михаилу Волонтиру за его понимание, а следовательно, и почти живое перевоплощение в Будулая, у Калинина в сердце продолжает жить свой цыган. Вероятно, сам того не сознавая, он часто спрашивает себя: а как бы на моем месте поступил Будулай?.. И Будулай задается аналогичным вопросом. Да, да, именно так. И это случилось давно, это неизбежно должно было случиться. А если бы не случилось, о романе «Цыган» и его герое Будулае давно бы все забыли. Ведь забыли же о многих и многих повестях и романах других авторов, написанных всего лишь ради денег, славы, но только не в силу потребности прожить какой-то значительный отрезок времени одной жизнью со своим героем.

Сериал «Возвращение Будулая» Отца расстроил. По своей душевной доброте и доверчивости он положился целиком на режиссера, главного сценариста Марьямова — вот и вышла отсебятина, где актерам нечего играть, сюжет похож на верблюжью жвачку,

а главное, начисто исчезла та захватывающая душу романтика возвышенной любви, без которой и Будулай, и Клавдия оказались самыми обычными серыми людьми. Таких и им подобных наше телевидение наплодило тысячи. И счастливый конец, мне кажется, не порадовал зрителей — слишком надуманным он вышел, неубедительно приторным. Но герои романа продолжали жить своей жизнью, и этому не могли помешать никакие удачные либо неудачные теле- и киноверсии.

А потом, в очередной — третьей по счету — киноверсии «Цыгана», Будулая сыграл Отар Мегвенетухуцесия, великий, не побоюсь этого слова, театральный и киноактер. Клавдией стала Ирина Купченко, сломав во многом сложившиеся стереотипы экранного воплощения хуторских женщин. И еще такие прекрасные актеры участвовали в том фильме, как Георгий Юматов, Татьяна Васильева, Лидия Вележева, Рада Волшанинова... Отар тоже бывал у нас в доме, сидел за столом, разговаривал душа в душу с Калининим. Этот актер сумел дополнить экранный образ Будулая доселе неизвестными — трагедийными — чертами. Он словно бы донес из глубины веков — цыгане очень древнее племя — боль и скорбь этого гонимого за какие-то давние грехи народа и давно смирившегося с гонениями.

«Цыгана» — в восьмичастном варианте — издавали с удовольствием и много. И Москва, и Киев, и родной Ростов, и далекая Уфа... Разумеется, за рубежом тоже. В славянских странах роман имел большой успех. Особенно в бывшей Югославии. Как ни странно, на Западе самым большим успехом пользуется роман «На юге», переведенный практически на все цивилизованные языки мира. Его издавали и переиздавали под названием «Казачи», «Донские казаки», «Казачи иду на запад». Отец не получил за этот роман, как, впрочем, и за своего «Цыгана», никакой премии — ни Сталинской, ни Ленинской. Потому что не был никогда придворным — прирученным — писателем. Как говорится, каждому свое.

Но я снова хочу вернуться к цыгану Будулаю, Клавдии, Шелоро, Егору... Роман — Восьмая часть его, — на мой взгляд, кончается ужасно. Еще более трагично, чем «Ромео и Джульетта» Шекспира, — они хотя бы умерли в объятиях друг друга, наверняка обретя свое счастье на Небесах. А здесь... Едва обретя друг друга, Клавдия и Будулай вынуждены расстаться. И как... Я позволю себе проци-

тировать самый конец «Цыгана». Трагедия в ее чистейшем — античном — виде. Бескровная, а потому еще более страшная.

«Догнав Клавдию на нижней придонской дороге уже на полпути между станицей и хутором, Будулай соскочил с мотоцикла и долго вел его за руль рядом с ней, пока она, останавливаясь, сама не спросила у него:

— Зачем ты гоняешься за мной? Ты что же думаешь, я сейчас ухвачусь за тебя двумя руками и скажу, чтобы ты оставался со мной? А она там, слепая, пусть так и шуршит похоронкой по ночам. Слепая, а посмотри, какую без тебя подняла дочь. По одним ладошкам гадала женщинам, когда мужья вернутся с войны, и они верили ей... Не гоняйся больше за мной и уезжай, если не хочешь, чтобы люди, — на мгновение Клавдия запнулась и твердо договорила, глядя сухими блестящими глазами на Будулая, — подумали о тебе хуже, чем они думали о тебе.

Будулай снял свою летнюю соломенную шляпу с застрявшими в ней иголками сосен, через которые ему приходилось продирааться во время обходов острова, и поклонился ей.

— Я знал, что ты это скажешь мне.

— Спасибо, — чуть побледнев, насмешливо ответила она, и он вдруг узнал в ней ту, прежнюю, Клавдию, которую некогда догнал на этой же береговой дороге на велосипеде между станицей и хутором. Целая вечность прошла с тех пор.

— А как же Ваня? — глухо спросил Будулай.

— Хорошо, что он так и не узнал ничего, — почти шепотом ответила Клавдия.

— Но довести тебя до дома ты позволишь мне?

— Нет, — непреклонно сказала она и вдруг потянулась рукой, снимая у него с плеча ружье. — А вот его мне придется у тебя взять. Как же нам с Дозором без него остров охранять? — Будулай сделал движение, чтоб придержать ее руку в своей, но она, отступив от него, вскинула ружье: — Не подходи! — И опять упавшим до шепота голосом добавила: — Скорей уезжай, Будулай. Чтобы, когда я вернусь домой, уже не было тебя».

Помню, Отец читал заключительный отрывок из Восьмой части, уже переписанный начисто его словно подхваченным вихрем почерком на сложенных в книжечку перегнутых пополам листах бумаги. Закончил читать... Вижу, Мама плачет, а у меня так больно и тревожно на душе, что слезы где-то далеко и глубоко внутри,

а значит нет и не будет облегчения. Отец кладет листки на стол, отворачивается, смахивает украдкой слезинку и вдруг громко всхлипывает. «Неужели она смогла бы выстрелить в него?» — думаю я. И вдруг представляю себя на месте Клавдии. Смогла бы?.. Думаю, что да. А потом — в себя. Зачем жить, если навсегда утеряна Единственная Любовь. Говорю вслух: «Многие не поймут. Особенно женщины. Тебе придется писать продолжение». — «Нет. Больше ничего не будет. Хватит. — Отец с грохотом отодвигает стул, меряет тяжелыми шагами наши скрипучие половицы. — Сердце болит, — говорит едва слышно. — Всегда болит сердце, когда думаю о них. Почему у них так получилось?..»

А по телевизору тем временем по несколько раз в году показывают «Цыгана» и «Возвращение Будулая». Многие смотрят, звонят Отцу, присылают восторженные письма и телеграммы. Он роняет как-то: «Счастливый конец — это как соска для зрителя. Мы все любим эти соски».

«Роман-газета» не опубликовала по каким-то соображениям Восьмую часть, хотя она и стояла в их издательском плане. А ведь весь «Цыган» прошел через «Роман-газету», тоже в ту пору выходящую миллионными тиражами. Кроме Восьмой части. Думаю, Отца это ранило в самое сердце, тем более что тогдашний редактор «Роман-газеты» Валерий Ганичев и вся его редакция хвалили ее публично.

Бог с ними, с издателями. Тем более что «Цыгана» публиковали охотно, огромными тиражами и подчас даже без ведома автора. На «пиратов» Отец никогда в суд не подавал, но, помню, одному из них самому сделалось стыдно, и он вдруг заплатил автору частью тиража книги, экземпляры которой разлетелись в мгновение ока на подарки с автографами.

На этом можно было бы поставить точку, хотя Будулай, Клавдия, Настя, Шелоро и другие персонажи романа мне всегда казались моими близкими знакомыми, о которых мы все — и те, кто приезжал в гости, тоже — всегда говорили с удовольствием. Так, будто они живут где-то рядом, держат с нами постоянную связь, и мы всегда знаем, что происходит в их жизни.

Помню, мы с сестрой срочно прилетели из Москвы, когда родители отравились газом, — дело было в середине девяностых. По пути из аэропорта заехали в шахтинскую больницу, еще не зная, как обстоят дела, — мобильников в помине не было. Прошли в палату.

И Отец, и Мама уже были в полном сознании, хотя совсем слабые. У Отца как-то странно поблескивали глаза. Я наклонилась поцеловать его, а он говорит: «Я видел его. Это он нас спас от смерти». Я почему-то сразу поняла, что Отец имеет в виду Будулая. Творческая мысль не умирала в нем ни на мгновение даже тогда, когда он был на самой грани перехода в другой мир. В доме, где было холодно и еще чувствовался угарный дух, хотя все было раскрыто настежь, я в первую очередь обратила внимание на пишущую машинку на столе в нашей столовой, в которой был заправлен лист. Выходит, они оба работали и прозевали ту зыбкую грань бытия, за которой начинается забвение. К счастью, в данном случае не фатальное. Мы навещали их в больнице каждый день — что такое сорок километров, хоть и по гололеду, на который была так щедрата весна, — когда сердце переполняет благодарность к Господу за чудесное спасение самых близких людей и неодолимое желание видеть их, касаться их рук, смотреть в их живые глаза. Отец рассказывал о Будулае — сумбурно, ярко, влюбленно. Как он отчетливо его видел в своем полусмертельном бреде, как Будулай держал его за руку, не позволяя отойти в иной мир. Вернувшись из больницы, он чуть ли не на следующий день засел за работу, снова воссоединившись душой со своим Будулаем, самым дорогим — бесценным — другом его жизни. Не верьте, когда говорят, что творец любит только того, о ком пишет, кого лепит либо рисует в данный момент. У каждого истинного творца есть свой любимый на всю жизнь герой. Тот, о котором он будет вспоминать даже на смертном одре.

Но по какой-то ему одному ведомой причине Отец не стал спешить с опубликованием этой — последней — части. Опубликовал «Послесловие» в стихах, где и Будулай, и Ваня оказались среди защитников Белого дома. Он читал нам отрывки из нового «Цыгана», снова прятал в стол. Мама, разумеется, знала — ведь она всегда перепечатывала все произведения Отца, но, как обычно, хранила молчание. Отец обмолвился как-то: «Распорядишься всем по своему усмотрению, когда меня уже не будет...» С детства не люблю разговоры на темы вечной (на самом-то деле она не вечная) разлуки, свирепею от них, а потому Отец меня щадил...

Прошло какое-то время... Страдания, боль, отчаяние оттого, что больше не увижу во плоти, не смогу прикоснуться, поцеловать, шепнуть на ухо: «Очень люблю тебя», немного смягчило реальное

осознание присутствия Отца во вся и всем — в саду, посаженном в основном его руками; в этих холмах по северной кромке горизонта, описанных им почти в каждом произведении с такой осязаемой любовью; в местных жителях, вспоминающих о нем добрым словом и одаривающих меня предназначенной ему любовью... Уже и слезы появились, размягчив жесткий комок во всем существе. И книжка стихов вышла, озаглавленная первой строчкой из его стихотворения «Когда меня уже не будет...». Оно как-то прозвучало по Центральному телевидению — сам Отец его прочитал, — и посыпались письма, телеграммы, звонки с единственной просьбой: прислать текст этого стихотворения. Мама находила — и находит — все новые и новые, так и хочется сказать, сюрпризы, чудеса, волшебные тайны из старых папок, ящичков, коробок, запыленных портфелей. И Девятую часть «Цыгана» она извлекла на свет божий. Я читала и обливалась слезами. Снова читала. И снова со слезами. Напротив моего окна в мезонине, где когда-то творил Отец, светится на краю отмели огонек красного бакена. Как капелька крови... Вы прочитаете завершающую — Девятую — часть «Цыгана» и многое постигнете. Сиюминутного, то есть такого, о чем забываешь сразу после прочтения, в ней нет ничего. Впрочем, в остальном творчестве Калинина, даже в его газетных статьях, тоже этого нет. Поймете, как Отец любил — и продолжает любить — своего Будулая. Оставил для него шанс жить, метаться, страдать... Наверняка обратите внимание на то, что Клавдия охраняет от браконьеров заповедный остров с вековыми дубами, которые, по преданиям, хранят мудрость тысячелетий. Нам бы сейчас испить из чаши этой мудрости. Хотя бы глоток...

Наталья Калинина

ЦЫГАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Иногда по самому лезвию степи, по дальнему синему пределу ее, вымытому дождем, то ли одинокое облачко проскользнет, то ли шатер на колесах. И — нет его. А может быть, и не было совсем.

Все знали, что Клавдия Пухлякова не боится ни Бога, ни самого председателя колхоза. Недаром Тимофей Ильич Ермаков, объезжая хозяйство колхоза, всегда старался стороной прошмыгнуть на «Победе» мимо свинофермы четвертой бригады. Тимофей Ильич объяснял это себе тем, что на ферме и без его вмешательства дела идут хорошо, не признаваясь, что на самом деле ему не хочется лишний раз встретиться там с Пухляковой.

Если же ему все-таки не удавалось незаметно проскользнуть, он должен был приготовиться принять от Клавдии на свою голову сразу весь тот залп не особенно приятных слов и выражений, что она приберегла для него за неделю. И можно было не сомневаться, что она не забудет ни одной из тех мелочей, которые с такой охотой забыл бы Тимофей Ильич.

Голос у Клавдии был громкий, его издали можно было угадать, когда хуторские женщины, собираясь вечером на посиделки, запевали «Конь боевой с походным выюком...». Председательская «Победа», отъехав от фермы, уже заворачивала за угол свинарника, а в уши Тимофея Ильича все еще толкались летящие вдогонку слова, что, кабы не заливал он с утра глаза, он бы видел, что только одна половина предназначенной свиноматкам дерти попадает из амбара на ферму, а другая половина уплывает налево. Одну подводу везут на свинарник, а другую — во двор к главному бухгалтеру или к старшему кладовщику. Председателю нелишне бы поинтересоваться, на каких харчах подрастают у них в катухах сразу по два и по три кабанчика...

Между тем при взгляде на Клавдию Пухлякову никто не мог бы сказать, что у нее такой характер. Скромной, красивой наружности

женщина, с тихими серыми глазами. Можно было поклясться, что прячется где-то в самой глубине этих глаз затаенная печаль. И все лицо Клавдии с того дня, когда ей принесли похоронную о муже, убитом под Таганрогом, как будто было задернуто дымкой.

Но стоило всего лишь один раз услышать, как достается от нее председателю, чтобы тут же и согласиться с общеизвестным утверждением о тихих омухах... Главный бухгалтер колхоза никак иначе и не называл Клавдию Пухлякову за глаза как сатаной в юбке. В глаза он предпочитал величать ее Клавдией Петровной.

Тем более странным могло показаться, что есть, оказывается, вещи, которые заставляют бледнеть и эту женщину. И совсем удивительным должно было показаться, что боится она тех самых вещей, к которым давно уже со снисходительным презрением относятся самые маленькие дети. Во-первых, достаточно было произнести при Клавдии слово «цыгане», чтобы она тут же изменилась в лице, стала не похожей на себя. При известии, что поблизости от хутора появились цыганские шатры, она, судя по ее поведению, не только сама начинала испытывать страх, но и панически боялась за своих детей-двойняшек: мальчика, столь же черноголового и кудрявого, сколь белоголовой и кудрявой была девочка, его сестренка. Клавдия немедленно зазывала их с улицы в дом и, пока стояли за хутором шатры, строжайше запрещала им бегать вместе с другими ребяташками на выгон.

Свирепых племенных хряков не боялась, бесстрашно заходила к ним в загон и умела усмирить их, когда они начинали пороть друг друга клыками, а тут трепетала, как сухой лист на вербе под ветром. Во-вторых, весь хутор терялся в догадках о причине той власти, которую с некоторых пор приобрела над ней самая вздорная из здешних старух — Луцилиха. Стоило лишь этой старухе, от которой давно уже отвернулись другие люди, прийти к Клавдии и в разговоре напомнить: «А ты не забыла, Клава, как мы с тобой хоронились в кукурузе от бомбежки?..» — и грозная для самого председателя Клавдия внезапно добрела и непременно спешила чем-нибудь порадовать ее. Чаще всего Луцилиха уходила от нее с поросенком, полученным Клавдией на ферме за хорошую работу.

Люди терялись в догадках о причинах такой щедрости Клавдии еще и потому, что до войны, пожалуй, ни к кому другому в хуторе не относилась она с такой откровенной враждебностью, как к Луцилихе и ее мужу. Не могла простить им и при случае всегда

напоминала публично, что до коллективизации держали они самый большой в хуторе виноградный сад на четыре тысячи донских чаш-кустов, а когда началась коллективизация, вдруг продали все движимое и недвижимое имущество и куда-то бежали из хутора налегке, чтобы много лет спустя приехать обратно. Не прощала Клавдия мужу Луцилихи, что он, еще совсем молодой, крепкий дед, по возвращении в хутор не пошел работать в колхоз, а, отделиваясь ссылкой на слабое здоровье, подрягается складывать из камня-ракушечника большие скотные сараи и дома, откладывает в сундук тысячи. Не прощала и старухе ее длинного языка, осведомленности обо всем, что случалось и чего не случилось в хуторе. У нее можно было получить самые точные сведения даже о том, какой парень какие слова говорил своей девушке под яром не далее как вчера и как они миловались там друг с дружкой.

Для этого Луцилиха разбросает у своего двора под яром полдюжины круглых пиленых чурбаков, выждет, пока гуляющие вечером молодые парочки набредут на них и присядут отдохнуть, а сама подлезет у себя во дворе к плетню и, стоя на четвереньках, не дыша слушает. Наутро весь хутор знает, кто с кем целовался. «Ей еще будет, что трухлявый плетень подломится и она спикирует с яра прямо в Дон», — предсказывала Клавдия.

И вдруг она, что называется, прикусила язык. Совсем не слышно стало, чтобы высказывалась о Луцилиных, как прежде. Ни одного худого слова по их адресу теперь нельзя было вытянуть из уст Клавдии. Если же ей приходилось слышать, как в ее присутствии начинали ругать их другие женщины, она помалкивала.

Нет, не заступалась за Луцилиху, но и не спешила присоединиться к тем разговорам, которые прежде начинала первая.

В довершение ко всему стали замечать, что взаимоотношения Клавдии с бабкой Луцилихой даже перешли в некое подобие дружбы. Во всяком случае, теперь старуха, завидев идущую навстречу Клавдию, не спешила улизнуть в первую калитку, а, наоборот, торопилась к ней на своих ногах-тумбах:

— Доброго здоровьица, Клава! А я уже соскучилась за тобой. Как раз сегодня собиралась зайти.

Никто не видел, чтобы Клавдия при этом тоже расцветала улыбкой, но и не замечали, чтобы она протестовала против таких словоизлияний. Чаще женщины видели, как потом Луцилиха, уцепившись за рукав Клавдии, провожала ее и они вместе скрывались

Литературно-художественное издание

АНАТОЛИЙ КАЛИНИН
ЦЫГАН

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Валерий Камендо, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 26.07.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 44. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-ARL-32292-01-R